

Бранко Надовеца

Йован Цвиич об этнических процессах на Балканах

Йован Цвиич рассматривал балканские этнические процессы как причину и результат нескольких факторов.

Во-первых, он указывал на значение географического воздействия, которое проявляется через влияние рельефа, прямые и косвенные факторы географической среды, «которыми во многом определяются передвижения народов и их взаимоотношения; это в первую очередь факторы объединения и взаимопроникновения или противоположные факторы изоляции и разъединения»¹.

По его мнению, существовала также связь между рельефом и историческими событиями. Цвиич подчеркивал, что три группы исторических и социальных факторов значительно влияли на этнографические и антропогеографические события на Балканах; и среди этих факторов: исторические события, зона цивилизации и переселение народов и этнических групп.

Культурные ареалы пересеклись, что привело к смешению культур разных народов, из которых сформировались новые, самобытные цивилизации. Одновременно произошло смешение расовых признаков и в итоге появление совсем новых расовых черт разных народов. Так, «ан-

тропологический анализ словенцев говорит о том, что у них произошла физическая трансформация в виде медленного слияния с автохтонами, которая, например, в случае с внешними признаками, выразилось в постепенном изменении оттенков цвета кожи, волос, глаз»².

Процесс смешения народов на Балканах был интенсивным. Но о давнем прошлом Балкан, особенно об их античной истории (кроме истории древних греков) сохранилось весьма мало источников.

«Об этнической принадлежности жителей Балканского полуострова более или менее уверенно можно говорить только после 2000 г. до н.э. В то время полуостров населяли три главные этнические группы: иллирийцы на западе; дако-мизийцы, фракийцы и армяно-фригийцы на востоке и пеласги на южном приморском крае. Эта последняя группа вероятно была в родстве с лидийцами, карийцами и ликийцами из Западной Анатолии и возможно она создала так называемую культуру „Димири“ в Фессалии“»³.

В результате исторических процессов балканские народы оказались перемешаны между собой более всех других европейских народов. В результате этого, по мысли Й. Цвиича, «любой балканский этнос – это сложное смешение кавказских антропологических типов, и даже на основании средних антропологических показателей ни одна балканская страна не смогла бы похвастаться расовой чистотой»⁴.

Во время составления этнографической карты балканских народов Й. Цвиич подчеркнул, что необходимо обратить особое внимание на этнографические границы между народами в европейской части Турции. Основная проблема состояла в том, что народы были распылены и существовали оазисы разных этнических групп на территории проживания других групп. Поэтому Цвиич сосре-

доточил внимание как на 1) этнографических границах балканских народов, так и на 2) этнических изменениях и миграции.

Что касается этнографических границ балканских народов, Цвиич писал, что три главных балканских народа занимают географически отдельные части Балкан: сербохорваты – северную и западную часть, болгары – восточную, т.е. болгарскую фракийскую территорию, а южную часть полуострова с побережьем и островами Ионического и Эгейского морей занимают греки. В срединной части Балкан эти три народа соединяются и образуют зону сильного взаимопроникновения, благодаря чему шло образование новых этнических групп, таких, как, например, армуны⁵ и македонские славяне, которые являются плавленной массой, демонстрируя переход между сербами и болгарами. Три народа – венгры, немцы и валахи – были перемешаны в Венгрии. В Бессарабии и Добрудже происходило смешение этнических групп румын, болгар, русских, татар и представителей иных этносов.

Описывая северную границу расселения греческого народа, Цвиич подчеркивал свое несогласие с выводами других авторов. Затем он описывал этническую границу между греками и тосками в южной Албании, границу между греками и славянами в южной Македонии. Что касается турок и турецких анклавов, Цвиич подчеркивал, что они были сосредоточены в восточной части Балкан, «особенно в восточной Болгарии, Фракии и соседних частях Македонии, до Вардара». На западе же турки жили только в городах, откуда «после свержения турецкой власти тут же ушли с турецкими войсками».

Что касается границ между албанцами и сербами, они, как пишет Цвиич, менялись не в пользу сербов: «Албанцы переселялись на сербские территории, особенно в Ко-

сово и Метохию. Для своего продвижения на славянские территории они использовали турецкое господство).

В частности Й. Цвиич отмечал следующее: «В направлении Пирота, Метохии и Косово до Южной Моравии за последние три века албанцы наиболее сильно удалились от своей исконной этнографической области Албании. Причиной этого помимо прочего, конечно, можно считать известное переселение сербов из упомянутых областей»⁶.

Албанцы были самым изолированным народом на Балканах, из-за чего, по мнению некоторых авторов, этнографически и антропологически они остались наиболее самобытным народом и биологически наиболее сильным племенем, а «в культурном отношении наиболее диким из всех остальных племен Балканского полуострова. Пользуясь в абсолютно анархичном турецком государстве свободой большей, чем какое-либо другое племя, они даже при сохранении племенной кровной мести настолько разрослись, что родина в своих старых границах стала для них тесной, вследствие чего они стали быстро переселяться на близлежащие области и заполнять их»⁷.

Многие иностранные авторы также писали об албанском расширении на чужие территории во время турецкой оккупации: «Турецкое завоевание повлияло и на распространение албанских поселений. В турецкое время особенно увеличивалась численность албанского населения в Косово и Македонии. Уже в конце XIII в. начинается переселение албанцев из приграничных горных областей в Косово»⁸. Это доказательство того, что до этого времени в Косово вообще не было албанцев и того, что они, приходя в Косово, вытесняли другие народы. «Отдельные села, которые в конце XV в. были сербскими, сто лет позже оказались брошенными. Позже в них заселились албанцы. Турецкая власть спокойно относилась к этому уве-

личению албанских поселений и даже отчасти поддерживала. Непрерывное переселение албанцев в Косово продолжалось до конца турецкого господства»⁹.

Границы между сербами, болгарами и румынами были более устойчивыми и менее беспокойными, потому что зачастую определялись природными рубежами, а смешанное население приспособлялось к любым условиям проживания. Цвиич утверждал, что невозможно провести границу между сербами и болгарами, потому что «по многим чертам это почти один и тот же народ; кроме того, между их основными ареалами находятся большие области переходного населения». Территория Вардарской Македонии являлась единственной областью, на которую одновременно претендовали и сербы, и болгары, а на Добруджу точно так же претендовали румыны и болгары.

Также особое внимание Цвиич уделял аромунам, или валахам. Он пишет о них, что «они больше всех национально страдали и потеряли». Их было около полумиллиона, а осталось только 150 тысяч, подчеркивает Цвиич. Отмечая, что они вышли из южной Албании, он делит их на несколько групп: битолско-крушевскую группу, валахо-клизурскую группу и т.д. Особенность их в том, что они не имеют единой территории обитания. И. Цвиич подчеркивал, что в последнее время аромуны превращаются в греков, потому что «румынская пропаганда не возымела больших успехов», из-за чего аромуны эллинизируются в южной Македонии, а в северной славянизируются. В больших городах Балкан они исчезают вследствие разных процессов, отчасти из-за смешанных браков, с другой стороны из-за биологической слабости и низкой рождаемости.

Балканские народы сохранились благодаря компактности расселения; как только целостность начинает разрушаться, народ оказывается в опасности. Только одни аро-

муны не сохранили целостность. По мнению Цвиича, «у аромунской народности произошел полный этнографический распад, и, тем не менее, она около двух тысяч лет существовала на Балканском полуострове как отдельная народность. Причина этого явления заключалась в первую очередь в замкнутости аромунского населения в горах, что влияло и на этничность»¹⁰. Точно так же, например, отмечается, что при всех сложившихся обстоятельствах на Балканах и шире «греческая народность вне Греции не усиливается этнографически и еще менее растет территориально».

Цвиич отмечает, что в последние современные ему два века многие этнические процессы оказались незавершенными. В качестве примера он приводил исламизированных сербов, которые не вошли ни в одну из национальных культур; это аморфные этнические массы, они этнически и национально находятся в переходном положении без ясно выраженных характеристик.

Что касается этнических изменений и миграций на Балканах, то «в последние века совершилось больше этнических изменений и больше миграций отдельных этнических групп, чем в какой либо части Европы; народы сильно перемешались, проникли один в другой, передали друг другу свои этнические особенности, подвергались исламизации, окатоличивались»¹¹.

Й. Цвиич выделяет, во-первых, северные миграции, во-вторых, южную миграцию и, в-третьих, турецкое влияние.

Славяне начали переселяться с севера на балканскую территорию Византии в VII в., ассимилируя разное население, «наверняка перенимая многие их особенные черты; чем создавалась разница между отдельными славянскими группами».

Цвиич пишет, что особенно концентрированные миграционные потоки повлияли на этнический состав насе-

ления Сербии. После многих переселений центральная Сербия с Шумадией осталась почти пустой. После восстания 1804 г. Сербия начала заполняться переселяющимся сербским населением. Он считает, что после этих миграций только десятая часть Шумадии была занята коренными жителями, а все остальные были переселенцами.

Цвиич обозначил несколько миграционных групп (потоков).

Первая и самая сильная – это динарская миграционная группа, которая просачивалась в первую очередь из чернойгорской части Герцеговины, Боснии и даже из Далмации. Другая, несколько слабее, косовско-жупская группа, которая протянулась от Шкодера до Топлицы и Жупы и постепенными локальными миграциями дошла даже до Смедерова. Значительным был также верхне-вардарский, или скопско-дебарский поток и похожий на него, но значительно более слабый македонский поток из северных областей Эгейской Македонии, в который также включились румынские и греческие переселенцы. Роль в заселении Шумадии и долины Моравы сыграл и тимско-браничевский поток, затем шопский, или торлацкий поток, которые приходят из западной Болгарии и через восток Сербии попадают в Шумадию. Намного менее известны личко-банатский и бачковский, а меньше всех т.н. обратный поток, который связан с населением, возвращавшимся из России и рассматривается уже отдельно.

Этнобиологические процессы привели к ассимиляции одного населения другим, формированию новых групп, отличий и типов, к смене веры и народности в ходе переселения и т.д.

Согласно Цвиичу, на Балканах преобладал динарский тип, центральный тип, восточно-балканский тип и паннонский тип человека. Цвиич детально описывал их психи-

ческие особенности, духовное развитие и пр. Так, например, он отмечает, что балканский тип человека подразделяется на нижнедунайский, среднегорский, южный, или румелийско-фракийский и помацкий варианты.

Автор отдельно рассматривает, как эти процессы шли в Сербии и делает вывод: «Массовые движения перенесли много сербского населения с юга на север; в некоторых областях (Метохия, Косово, область Скопье) образовались пустоты; в этих землях ослабло проявление сербской жизни и духа. Вследствие этого, вместе с другими причинами, началось продвижение албанцев в центры старого сербского государства и преобладание болгарского влияния в Македонии»¹².

Балканы часто оставались загадкой для местных и тем более для иностранных исследователей. Йиржи Данеш писал, что «из-за религиозных, племенных и языковых отличий иностранные исследователи не смогли проникнуть в суть вещей и точно решить этнографические вопросы, даже если исследователи не были политически заинтересованы»¹³.

Результаты исследований Й. Цвиича можно систематизировать с помощью определенной методологии, начав с причин, проблем, последствий и проявлений. Цвиич сделал вывод, что многие антропогеографические и этнологические проявления могут быть сведены к «экономической или материальной основе».

«Антропогеографические проблемы, которыми занимался Цвиич, могут быть главным образом сведены в следующие шесть групп:

- 1) культурные зоны или зоны разных цивилизаций;
- 2) географическое положение и миграция населения;
- 3) типы хозяйственной жизни;
- 4) классификация населения по местоположению и типу;

- 5) типологическая классификация жилищ и поселений;
- 6) этнопсихологические особенности южных славян¹⁴.

Цвиич заметил, что на определенной территории Балкан часто сталкиваются три или четыре разные исторические культуры. Он обращался особенно к изучению патриархального уклада и патриархальной культуры. Миграции населения он изучал от местности «Велесского ущелья до Загребской горы» и открыл «хаотичное расположение нашего населения». Многие упрекают его, что при изучении этнопсихологии местного населения, он чрезмерно разделял отдельные этнические группы, а особенно – за «идеализацию динарцев».

Общественное значение антропогеографических исследований Цвиича представляется в том, что он понимал значение выхода Сербии к морю, сущность македонского вопроса и относительно благоприятное разграничение Королевства СХС с соседями после Парижской мирной конференции.

О выходе Сербии к морю он писал в своем труде «Балканские войны и Сербия», отмечая экономическую и политическую сущность этого вопроса. Относительно македонцев он заметил, что они не являются ни сербами, ни болгарами, а «народом в процессе становления». Королевство СХС выгодно провело границы со своими соседями, кроме Италии: по Рапалльскому соглашению около 900 тысяч югославов оказались в Италии. Италия сама продиктовала такое соглашение, потому что имела поддержку «великих держав». Он критиковал проведение плебисцита в Корушке, считая, что голосование шло не за национальную принадлежность, а за административную. Югославы решились жить в Австрии, потому что веками жили при той администрации, но они не голосовали за онемечивание. Но Цвиич оставил без внимания процесс

германизации и пропаганду против присоединения к Югославии из-за ее слабого экономического развития и политических недостатков.

Цвиич рассматривал Балканы как этнически самый сложный край Европы. «Эта открытость Балканского полуострова и доступность извне сделали возможным легкое продвижение сюда пришлых цивилизаций, народов и государств-захватчиков. Особенно большую роль в этом сыграли продольные пути, идущие по долинам Моравы и Вардара к Салоникам, по Мораве и Марице к Стамбулу»¹⁵.

На Балканы проникали и имели здесь влияние многие культуры. Некоторые оставили после себя следы, а некоторые стерлись из исторической памяти.

«Культуры, которые здесь развивались или были принесены на полуостров, не оставили в балканском населении одинаково отчетливого следа... Отсутствие непрерывности культурных влияний – это характерная черта Балканского полуострова и противоположность тому, что происходило в Западной и Центральной Европе», – пишет Цвиич¹⁶.

Влияние внешних культур имело последствия во всех областях жизни балканских народов. Рассказывая о культурных зонах Балкан, Й. Цвиич отмечает, что «расположение разных культур стало очень значимым фактором в экономике полуострова и одной из значительных причин формирования психических особенностей его населения.

Й. Цвиич все же выделил культурные пояса на Балканах в прошлом и современности, хотя, конечно, это было весьма приблизительное деление, которое можно принять лишь условно.

Цвиич рассматривал Балканы как очень удобный объект для изучения ментальности. Во время своих путешествий Цвиич выявлял в балканской культуре элементы автохтон-

ности и элементы, которые появлялись в результате моделирования того, что было исконным, либо же влияния старых и чужих культур. Цвиич находит т.н. *культурные пояса*. С максимальной деликатностью и знанием следов византийско-цинцарской культуры, которая сформировала т.н. балканскую народную ментальность на юго-востоке полуострова, он находит следы арабско-турецкой (ориентальной) культуры, итальянские (романские) культурные влияния. А затем искусно уводит нас в большую горную область нашего народа, где эти культурные влияния очень слабы, минимальны. Но зато это область с самым сильным самосознанием, народными традициями, в которых лучше всего сохранилась память о средневековой народной державе. Это область наиболее естественного этнографического состояния – зона патриархального режима. Так своими прекрасными, глубокими, оригинальными исследованиями Цвиич обогатил мир науки, особенно благодаря своим «Антропогеографическим проблемам Балканского полуострова». Эта работа представляет собой переход от естественно-научных и социально-этнографических к психологическим исследованиям. Это исследование создало базу для наиболее плодотворного и полезного *национального исследования* Цвиича. В этом исследовании Цвиич охватил «все серьезные проявления материальной, народной жизни, типы и уклад жизни селений, типы и развитие построек, виды животноводства и их распространение». Исследованиями такого свойства Цвиич одновременно заложил основу *научной постановки национальных проблем*¹⁷.

В предисловии к книге Цвиича «Балканский полуостров и южнославянские земли» Драгиша Лапчевич обозначил значение и оригинальность этой работы, особенно оригинальную концепцию антропогеографии». Изучая

уклад жизни племени, главный признак которого заключался в «кровной закрытости и общинном своячестве» и «вторжении» чужих цивилизаций, в результате чего была уничтожена племенная жизнь, Цвиич замечает преемственность, в результате которой удалось сохранить основные характерологические и духовные свойства народа.

«Одно из важнейших достижений Цвиича, которое особенно заметно в этой книге, состоит в том, что он обратил внимание на социальные факторы и экономические изменения для объяснения многих явлений, а также этнографических и этнологических особенностей»¹⁸.

Цвиич верил в силу славянской цивилизации, в интегрирующие факторы, но история XX в. не подтвердила его мнение; дезинтегрирующие факторы сделали свое дело. Цвиич считал, что «славянские народы своим духом, своим оригинальным способом выразят себя в организации государства, в особенностях и направлении социального и экономического развития, и особенно в науке и искусстве; что их цивилизация не будут копией одной из уже существующих европейских культур, а органически вырастет из народного духа и будут основана на его самых оригинальных и самых плодотворных проявлениях»¹⁹. Но это не было связано с «идеей политического панславизма». Цвиич не выделяет религиозные факторы. Говоря о психологических особенностях южных славян, он останавливается на хорватах, замечая, что они обладают общими с сербами чертами, «кроме известного влияния католической церкви». В дальнейшем, как известно, это было опровергнуто трагическими событиями. Словенцев Цвиич описывал как «наименее обремененный традициями южнославянский народ».

Когда определенная цивилизация достигает определенного уровня материального и духовного развития, «в оп-

ределенном социальном слое развивается заносчивость и высокомерие», хотя «духовная цивилизация с трудом развивается без материальной культуры». «В религии нуждается любая цивилизация», но у славян она стала негативной крайностью. Цвиич, таким образом, ошибочно полагал, что у славян сформируется «единая совместная цивилизация».

Что касается Македонии, например, Цвиич полагал, что «провести ее границу будет трудно, т.к. существуют большие области переходного населения. Языковые сходства и некоторые идентичные языковые особенности дают интеллигенции обоих народов рассматривать эти пограничные области как чисто сербские или чисто болгарские. Между тем македонский говор представляет собой ряд переходных диалектов между сербским и болгарским языками. Этнографические особенности смешиваются, как и языковые, и потому образуют переходную область»²⁰.

Без сомнения Цвиич был сербским националистом, но он «пуригански строго использовал только научный национализм». Национализм Цвиича, «основываясь на науке и этике, должен был быть абсолютно социальным». Это «самая совершенная разновидность национализма». Сербов он рассматривал как народ «с самым сильным на Балканах национальным сознанием». Сила сербского народа уходила своими истоками еще в Средневековье. Он пишет, что «после греческих построек нет ничего красивее на Балканском полуострове, чем сербские средневековые задужбинные²¹ постройки». Занятия наукой сформировали у Цвиича представление об особой, имперской национальной миссии Сербии.

Цвиич считал, что все балканские южнославянские народы смогут выразить себя через Югославию. Сербов и хорватов он считал одним народом, а болгар и словенцев близкими к ним. Он жестко критиковал ученых, ис-

кавших различия между южнославянскими или вообще славянскими народами.

В. Чубрилович пишет: «В своих географическо-этнографических исследованиях он доказал неминуемость создания Югославии, привел исторические факты, т.е. исторические движения в южнославянских землях, особенно времен иллирийского возрождения, которые действительно способствовали созданию единого государства. Вместе с этим Цвиич, как и передовая часть сербской интеллигенции того времени, оправдывал интеграцию сербской национальной идеи с общей южнославянской национальной идеей»²².

Цвиич – один из непосредственных создателей Югославии. В течение Первой мировой войны он пропагандировал необходимость создания южнославянского государства в западных политических кругах. «Весь этот период Цвиич доносит до мировой общественности сербские стремления к единству сербов, хорватов и словенцев». Югославянское единство, по мнению Цвиича, базируется не только на едином литературном языке и культурном единстве, но и на определенном этнобиологическом единстве, сложившемся в результате перемещения и перемешивания народов на пространстве от Велешского ущелья до Загребской горы»²³.

Йован Цвиич рассматривал Балканский полуостров как единое природно-социальное пространство. В своих исследованиях он уделил недостаточно внимания всем дезинтегрирующим факторам на этой территории.

Иржи Данеш пишет: «Работы Цвиича изменили основы наших представлений о Балканском полуострове. До его появления Балканский полуостров был скорее terra incognita, а сейчас представляет собой самую исследованную часть земной поверхности»²⁴. Но в любом случае

Цвиич пошел намного дальше своих предшественников. «В результате религиозных, племенных и языковых различий, иностранные исследователи не могли проникнуть в сущность вещей. Дать точные ответы на этнографические вопросы, даже когда эти исследователи не были политически ангажированы. Цвиичу принадлежит заслуга в том, что он наметил пути и способы более глубокого изучения культурных и ментальных районов, существующих на Балканах»²⁵. Перо Слиепчевич утверждал, что «Цвиич больше изучал наши пороки, чем наши достоинства»²⁶.

Цвиич пишет о том, что Балканский полуостров имел разные названия в разные времена. Это зависело от того, что принималось во внимание: географические, исторические или политические факторы. С течением времени Балканы называли то Эллинским или Греческим полуостровом, позднее его называли Византийским полуостровом, а также Римским и Иллирийским полуостровом. Восточная часть называлась Хемус, а потом так назывался весь полуостров. Во времена Возрождения он назывался *Catena Mundi* или *Catena del Mundo*. Спорной была сама географическая протяженность полуострова: он «протянулся с востока на запад, от Черного моря до Альп». Но все таки его протяженность спорна²⁷.

Различия между народами, нациями и этническими группами на Балканах связаны с их разной историей, уровнем хозяйственного развития, различиями диалектов, культуры в широком смысле понятия, различными религиями, менталитетами и психофизической организацией. Другие факторы (влияние великих держав на балканские процессы и пр.) не могли быть предметом его интереса, потому что прежде всего он был географом. Без сомнения Цвиич был уверенным славянофилом и имел проюгославскую ориентацию. «Цвиич увлечен идеей народного един-

ства, он ее самый сильный и самый глубокий пропагандист. Совершенно естественно, что это были наши лучшие люди, духовно самые светлые»². Цвиич считал, что будущее сближение южнославянских народов, выраженное в создании единого государства, преодолет все дезинтегрирующие факторы, и между самими балканскими народами возникнет близкий союз, если и не в форме государства, то в какой-либо другой близкой форме. Но все же «Цвиич предвидел, что единство не возникнет без кризиса. Совершенно естественно, что существует другой образ жизни, как и взгляды на жизнь, ведь политические и социальные явления в нашем государстве становятся все сложнее. Привыкание должно вызвать беспорядки, кризисы, столкновения. Кроме того, некоторые политики далеки от идеи народного единства. Многие из них настроены скептически, они имеют дело с разными историей и менталитетами и могут вполне логично отстаивать свои убеждения. Но им Цвиич возражает, что есть инстинкт сильнее, чем логика, в соответствии с которым огромное количество людей ощущает духовные, моральные и материальные выгоды от союза и единства»²⁹.

Согласно Цвиичу, на Балканах существуют географические предпосылки единства, свои культурные пояса, которые много элементов унаследовали от Византийской и турецко-ориентальной цивилизации. «Вековое турецкое владычество имело одно важное влияние. Оно наделило балканские народы чертами райи, особо угнетенного слоя, чем создало огромное количество ярких духовных черт»³⁰. Влияние западной и средневропейской культуры проникло посредством «католической веры и латинского алфавита». Сохранялся и патриархальный элемент, который не означал «низкого культурного развития», наличие патриархального элемента предполагало моральные понятия

«высокого порядка», самобытную организацию общества и искусства, что больше всего было представлено в Северной Албании и Черногории.

Антропогеографические наблюдения Цвиича привели его к предположению о том, у народов, у которых похожи языки, похожи и «обычаи и народные понятия». Для южнославянских народов, в частности, были характерны одни и те же психологические черты, по мнению Цвиича. Миграции – это источник сходств: сербы перемешались с хорватами, «а кое-где даже со словенцами». Перейдя в униатство и католичество, сербы добились того, что «сербско-хорватское население стало еще более однородным», а культурные различия между хорватами и сербами «сильно уменьшились». В дальнейшем история показала, что Цвиич недооценивал значение религиозных различий между балканскими народами.

Среди сербов, указывал он, православные составляли примерно две трети; имелось много католиков, хорватов, и много меньше исламизированных сербов, но все они говорили на сербско-хорватском языке, исключая некоторые исламизированные и албанизированные элементы.

Исламизированные сербы встречались только в Старой Сербии, Македонии и Боснии и Герцеговине. Среди них особо яркими отличиями обладали те, что были подвержены албанскому влиянию, т.е. сербы-мусульмане, живущие перемешано с албанцами. Албанский язык они использовали наряду с сербским еще до принятия ислама. А после принятия ислама сербский язык сохранялся лишь несколькими поколениями, после чего воспринимался уже как иностранный. В ряде случаев они знали всего несколько слов по-сербски.

Похожая ситуация складывалась и с исламизированными болгарскими, которые составляли большую часть насе-

ления Восточной Македонии и Фракии, проживая среди турецкого населения. Чаще они говорили только по-турецки, реже совмещали турецкий и болгарский языки.

Албанцы-мусульмане составляли абсолютное большинство в Албании, занимая ее центральную часть. Тем не менее среди них можно было встретить много оазисов православных албанцев. Интересно, что мусульмане составляли большинство среди албанцев, переселившихся в Македонию, а после в Косово и Метохию до границ Сербии. Православные албанцы являлись меньшинством, занимая, помимо отдельных районов средней Албании, южную часть страны и Эпир. Православным албанцам уступали по численности албанцы-католики (около 120 тысяч), проживавшие в Малесии, на границе с Черногорией, около нижнего Дрима и Мачи»³¹.

Как известно, славяне католики проживали в Далмации, Хорватии, Боснии и Герцеговине и именовались хорватами. Лишь в Далмации, по словам Цвиича, можно было встретить католиков, считавших себя сербами. Но в Боснии и Герцеговине до оккупации 1878 г., по его мнению, католики не имели национального самосознания, точно так же, как и славяне в Македонии. После же 1878 г. они в большинстве своем становились хорватами. Цвиич отмечал прогресс на пути сближения католиков и православных в южно-славянских землях на рубеже XIX-XX вв. У них, по его мнению, проявлялось глубокое понимание совместных интересов. Тогда как религиозные противоречий между православными и католиками не играли такой решающей роли, как, например, в Западной Европе. Это проистекало из того, что на Балканах никогда не было религиозных войн и религиозного антагонизма между католиками и православными. Цвиич был уверен, что в «сербско-хорватском народе» религиозная толерантность было

намного более сильной, чем это могло казаться.

Цвиич делил южных славян на четыре группы, четыре типа людей по психическим особенностям: динарский, центральный, восточно-балканский и паннонский тип. Основное значение классификации, предложенной Цвиичем, сводилось к выводу о том, что внутри каждого типа существует доминирующее единство, которое при любом из вариантов развития позволяет сохранить целостность группы.

Цвиич описывал черты сходства между сербами и хорватами, указывая на основу этих сходств – «сильно выраженный идеализм». «Эти языковые и психические сходства и многое другое были сильно скрыты в южнославянских племенах, чтобы однажды проявить себя. Племена хорошо изучили друг друга и начали ощущать, что составляют национальную целостность, особенно начиная с турецкого продвижения в XV в. и после больших миграций. Тогда родилось осознание национального единства»³². Цвиич утверждает, что «южные славяне на территории Австро-Венгрии в течение балканских войн и мировой войны открыто высказывали свою решительную волю создать единое политическое образование с Королевством Сербия».

И все же иногда, уже в начале XX столетия Цвиич видел дезинтеграционные факторы, причем не только между всеми балканскими народами, но и между южными славянами.

Перевод с сербского А.С. Кулагина

¹ Цвијић Ј. Балканско полуострво и јужнословенске земље. Београд, 1966. С. 99.

² Жупанић Н. Ка историји промене спољашности балканских народа. Београд, 1910. С. 18.

³ Стојановић Т. Балканска цивилизација. Београд, 1955. С. 100.

- ⁴ Там же. С. 110
- ⁵ Аромуны – македонские румыны (прим. ред.).
- ⁶ *Цвијић Ј.* Распоред балканских народа // Гласник Географског друштва. Год II. Св. 2. Београд, 1913. С. 244.
- ⁷ *Смиљанић М. В.* Етнографско груписање народа Балканског полуострва // Годишњак Николе Чупића. Београд, 1905. С. 107.
- ⁸ *Бартл П.* Албанци. Београд, 2001. С. 59.
- ⁹ Там же. С. 60
- ¹⁰ *Смиљанић М. В.* Етнографско груписање народа Балканског полуострва // Годишњак Николе Чупића Београд, 1905. С. 113.
- ¹¹ *Цвијић Ј.* Распоред балканских народа // Гласник Географског друштва. Год II. Св. 2. Београд, 1913. С. 257.
- ¹² Там же. С. 259.
- ¹³ *Васовић М.* Цвијићев рад на антропогеографију југословенских и балканских земаља с посебним освртом на његов општедруштвени значај // САНУ. Цвијићев зборник. Београд, 1968. С. 17-18.
- ¹⁴ Там же. С. 19.
- ¹⁵ *Чубриловић В.* Јован Цвијић и стварање Југославије // Југословенски народи пред Први светски рад. САНУ. Београд, 1967. С. 972.
- ¹⁶ *Цвијић Ј.* Културни појаси Балканског полуострва // Аутибиографија и други списи. Београд, 1965. С. 89-90.
- ¹⁷ *Драгић М.* Јован Цвијић // Мисао. Књ. 23, Београд 1927. С. 191.
- ¹⁸ *Лапчевић Д.* Приказ Ј. Цвијић Балканско полуострво и јужнословенске земље // Српски књижевни гласник. Књ. 7. № 3. Београд, 1922. С. 213.
- ¹⁹ *Цвијић Ј.* Основе јужнословенске цивилизације // Српски књижевни гласник. Књ. 7. Веоград, 1922. С. 350.
- ²⁰ См., напр., *Цвијић Ј.* Распоред балканских народа // Гласник Географског друштва. Год II. Св. 2. Београд, 1913. С. 197.
- ²¹ Задужбина (серб.) – завештание на културно-просветителские или благотворительные нужды. – Прим. перев.
- ²² См., напр., *Стојановић Т.* Балканска цивилизација. Београд, 1955. С. 1001.
- ²³ *Цвијић Ј.* Распоред балканских народа // Гласник Географског друштва. Год II. Св. 2. Београд, 1913. С. 199.
- ²⁴ *Данеш Ј. В.* Значај Јована Цвијића за проучавање Балканског полуострва // Српски књижевни гласник. Књ. 20. Београд, 1927. С. 271.
- ²⁵ Там же. С. 270.

²⁶ *Слијепчевић П.* Јован Цвијић // Српски књижевни гласник. Књ. 20. Београд, 1927. С. 208.

²⁷ См.: *Цвијић Ј.* Облик Балканског полуострва, аутобиографија и други списи. Београд, 1965, стр. 81-88.

²⁸ *Мулин Ф.* Јован Цвијић и проблем народног јединства. Нови Сад, 1927. С. 13.

²⁹ Там же. С. 34.

³⁰ Јован Цвијић и балкански проблеми (изабрао Шпиро Солдо). Београд, 1937. С. 13.

³¹ *Цвијић Ј.* Распоред балканских народа (објашњење етнографске карте) // Гласник Српског географског друштва. Год. 2. Св. 2. Београд, 1913. С. 255-256.

³² *Цвијић Ј.* Балканско полуострво и јужнословенске земље. Београд, 1931. С. 10.